

ЧТО ИЗ ПАМЯТИ НЕ УХОДИТ

(Из воспоминаний воздушного стрелка-радиста 1 гв.апдд Богданенко Николая Степановича)

Командование ВВС иногда привлекало экипажи нашего ночного тяжелого бомбардировочного авиаполка на транспортные перевозки. Так, в начале апреля 1941 года наш экипаж в составе командира корабля Журавлёва, правого летчика В.И.Гладкова, штурмана Ткаченко, борттехника Жилина, помощника борттехника Николенко, воздушного радиста Плаксина, воздушных стрелков Гайворонского и Богданенко (автора этих строк) получил задание на перебазирование истребительной авиачасти из под Тулы на прифронтовой аэродром в районе Выползово, Хвойное.

Всё светлое время дня работали напряженно и к исходу 5 апреля перебазирование в основном было закончено и только осталось, как говорится подобрать хвосты. Пассажиров из различных служб и прочего материального груза осталось на один рейс.

6 апреля мы снова прибыли на место загрузки самолёта, чтобы совершить последний этот рейс. Стали подвозить и грузить оставшееся техимущество, подошли офицеры технической службы, механики. Погода по-весеннему солнечная, но снег еще не перестал ослепительно действовать на зрение. Взлётная полоса напоминала какой-то зимний каток. В период ожидания подхода не прибывших воинов-пассажиров и разрешения на вылет все мы собрались на площадке перед самолётом, где были организованы импровизированные танцы, поскольку среди нас была единственная молоденькая и жизнерадостная девушка медицинская сестра. Она была нарасхват. Все мы уступали эту милую партнёршу по танцам своему командиру Журавлёву, он был, кроме того, мастак по танцам. Несмотря на неуклюжую одежду (комбинезон и унты), Журавлёв с медсестрой исполнял танцы мастерски. Около 12 часов прибыли 2 лётчика и комиссар одной из перебазированных эскадрилий, и все в сборе.

Мы позаботились о правильном размещении в самолёте людей: двое в кабине штурмана, несколько человек в бомбовом отсеке и кабине радиста. А так как в воздухе было ещё прохладно, а часть пассажиров были одеты в неутеплённую армейскую форму, то они заняли места в крыльях, в проходах между моторами и бензобаками (эти места обогреваются от двигателей).

После взлёта, набрав высоту 500-600 метров, легли на курс. Вышли на Октябрьскую железную дорогу. Калинин обошли севернее и пошли вдоль железной дороги.

Подлетая к железнодорожной станции Спирово, примерно в 60 км от места нашей посадки, впереди несколько левее по ходу нашего корабля, где-то в районе Вышнего Волочка я увидел движущиеся темные точки.

Находясь в передней рубке воздушного стрелка, я осматривался вокруг и видел чистое спокойное небо, лётчиков Журавлёва и Гладкова, которые сосредоточено и внимательно управляли самолётом, всматриваясь периодически в маршрутную карту. Гайворонский и Плаксин выполняли обязанности воздушных стрелков и осматривали небо вокруг.

Присмотрелись и стало ясно, что это самолёты противника штурмуют какой-то объект. В это же время я заметил, что командир Журавлев и правый лётчик Гладков немедленной отдали штурвал от себя и с правым разворотом снизились по над самыми верхушками деревьев леса. Но в это время мы противником были обнаружены.

Нам это стало ясно, когда ведущий стервятник резко дал газ двигателям, развернул машину в нашу сторону, а за ним последовало ещё шесть Ме-110. "Мессершмидты" быстро настигли нас, и одна за другой последовали их атаки с пушечно-пулемётным огнём. Стрелки задних пулемётных точек Гайворонский и Плаксин уже на предельной дистанции открыли огонь по противнику из своих спаренных пулемёт он АПД-2 (ДА-2).

Слишком неравные встретились силы. Семёрка "Мессеров", как разъярённая стая хищников набросилась на нас. Они на значительной дистанции открывали по нашему бомбардировщику свой мощный огонь по бензобакам и моторам. Обшивка крыла в области бензобаков разрывами снарядов быстро срывалась, сами бензобаки обеих групп разворотило, горючее разлилось по всей центральной части самолёта, который облил так же сидящих там людей. При первой искре боевая машина превратилась в огромный летящий факел. Воздушные стрелки получили серьёзные ранения - Гайворонский в области живота четырьмя пулями, но продолжал давать ответный огонь по наседающему противнику.

Плаксин в грудь - он быстро потерял силы и его пулемётная точка умолкла. Управление самолётом с трудом поддавалось воле лётчиков, самолет горит, а фашистские стервятники продолжают атаковать. Впереди по ходу самолёта показалась небольшая полянка, куда и направили ценой невероятных усилий свой корабль Журавлёв и Гладков. Они сделали максимум усилий для маневра самолётом и ухода от

атаки врага, но враг в десятки раз сильнее оснащён техникой.

Объятая пламенем машина плюхнулась на полянку.

И уже почти при касании о снег шасси самолёта последовала еще одна мощная атака фашистов. Пулемётная очередь прошила кабину лётчиков и приборную доску, пол штурманской кабины, ранив двумя пулями пассажира, сидевшего рядом со штурманом Ткаченко Романом Романовичем.

При выходе из атаки в один из стервятников, пролетевшего наиболее близко, врезались огненные трассы наших пулемётов, выпущенные из пулемета Васи Гайворонского и моего сверхскорострельного ШКАСа, после чего Me-110 заметно пошел на снижение. В следующий момент мы уже были на земле и Мессера потеряли из виду. Посадка на метровую снежную глубину способствовала тому, что шасси самолёта сразу сложились, и корабль, войдя глубоко в снег, затормозился и остановился. Носовая часть кабины штурмана с пулемётной установкой, в которой я находился, вошла глубоко в снег. Когда я, освободившись от препятствий, выбрался на поверхность, над нами пронеслось несколько Мессеров, стреляя по разбегающимся пассажирам....

(1 страница пропущена)

... Утром следующего дня, собираясь в свою часть, мы зашли в больницу навестить товарищей, пострадавших от огня и обстрела фашистских стервятников. Через некоторое время в кабинете главврача раздался телефонный звонок.

- Вас приглашают зайти в отдел НКВД, - положив трубку, сообщил нам доктор. попрощавшись с друзьями, спустя 10-15 минут, Журавлёв, Гладков, Ткаченко и я зашли в помещение НКВД, всё еще недоумевая причину приглашения.

Встретивший нас офицер с присущим тактом спросил, не желаем ли мы посмотреть на немецких лётчиков, участвовавших в атаках во вчерашнем бою. Мы дали согласие, и вот встреча состоялась.

Сначала офицер информировал нас, что „Мессершмидт” этих лётчиков получил хорошую порцию пулемётных очередей с борта нашего корабля, в результате чего успел только перетянуть ж/дорогу и плюхнулся, его экипаж был тут же пленен и доставлен по назначению в отдел НКВД.

В сопровождении этого офицера мы зашли в просторную комнату, в которой сидели три человека с холёными, наглыми и самоуверенными лицами. Они пока ещё не сомневались в победе Рейха и имели полную на надежду на своё освобождение из плена в считанные дни.

...Как их нам представили - один из них был майор, а два других, младшие офицеры.

Мы зашли в это помещение, чтобы только посмотреть на этих «непобедимых фашистских асов», разговаривать с ними не хотелось, да, и смотреть тоже было противно из-за кипевшей ненависти к врагу.

Но они мало чувствовали себя военнопленными, фашистский экипаж с любопытством осматривали наше добротное лётное обмундирование, не скрывая своего восхищения тому, что наша одежда намного лучше ихней. Через переводчика они спрашивали о размерах заработной платы русских авиаторов, как оплачиваются боевые вылеты, сколько платят за подбитый самолёт противника и другие чисто корыстные вопросы, свойственные фашистским палачам... Перед нами сидели профессиональные наёмные убийцы человеческих жизней, переговариваясь между собой, они даже ухмылялись, очевидно, потому, что отделались мелкими ушибами при посадке на подбитом самолёте.

Записано в январе 1976 года С.И.Емельяненко
(из музея 1 гв.апдд в г.Ростове-на-Дону)